

Глава 2

Через три дня в семье Гу намечался двойной праздник — совершеннолетие Гу Ци и Сяо Ци. Но все планы рухнули буквально накануне.

Сяо Ци вырос в приюте и не знал точной даты своего рождения, поэтому супруги Гу просто записали его на тот же день, что и родного сына. Банкет должен был стать общим.

Однако вчерашним вечером Сяо Ци горько плакал на кухне. Он всхлипывал, уверяя всех, что если они будут праздновать вместе, то гости непременно начнут расспрашивать о причинах. Тогда все узнают, что его усыновили, и станут презирать.

Сердце госпожи Гу разрывалось от жалости к приёмышу. Она тут же объявила, что торжество устроят только для Сяо Ци, а день рождения Гу Ци перенесут на месяц позже.

Разумеется, Гу Ци взбунтовался. Семейная обида переросла в безобразную ссору со вторым братом, Гу И. Всё закончилось тем, что Гу И с силой толкнул его — Гу Ци полетел на пол...

И очнулся три года назад.

— Эй! Ты меня вообще слышишь? — не дождавсь ответа, Гу И раздражённо пнул журнальный столик. Стеклянная столешница со скрежетом проехала по кафелю, издав резкий, режущий слух звук.

Гу И всегда терпеть не мог младшего брата. Гу Ци похитили ещё в раннем детстве, поэтому никаких тёплых воспоминаний о нём не осталось. Позже в доме появился Сяо Ци, и всю свою братскую любовь Гу И растратил на него.

Когда Гу Ци наконец вернулся в семью, Гу И поначалу было всё равно — ну, объявился ещё один родственник, и ладно. Вот только этот бродяжка уступал Сяо Ци во всём, но упорно пытался занять его место.

Сяо Ци виртуозно играл на пианино, а вернувшийся Гу Ци умел разве что косить траву. Сяо Ци блестяще учился, в то время как Гу Ци по возвращении не знал ни слова по-английски и изъяснялся на грубом деревенском диалекте. Сяо Ци вечно шёл на уступки, терпел его нападки, а этот неблагодарный только и думал, как бы вышвырнуть приёмыша из дома.

Друзья Гу И не раз в открытую насмехались над его братом-деревенщиной.

Будь его воля, он бы никогда не признал Гу Ци своей роднёй.

Наконец Гу Ци зашевелился.

Он медленно поднялся с пола, разгладил помятую одежду и, выпрямившись во весь рост, молча уставился на Гу И.

От этого ледяного, спокойного взгляда Гу И невольно передёрнуло. Ему показалось, будто брат видит его насквозь. Внутри вспыхнуло глухое раздражение, готовое сорваться резким «Чего вылизнулся?», но Гу Ци, не проронив ни слова, развернулся и ушёл к себе наверх.

Спустя несколько минут он уже спускался обратно, волоча за собой чемодан.

Колёсики чемодана глухо стучали по ступеням. Спускаясь, Гу Ци отчётливо слышал, как Гу И воркует над приёмным:

— Ну всё, не плачь. Ты у нас слишком добрый. Я поговорю с ним, не переживай.

Когда Гу Ци вошёл в гостиную, их взгляды пересеклись. Не сбавляя шага, он направился напрямик к выходу.

Гу И опешил, но, заметив чемодан в руках брата, издевательски хмыкнул и крикнул вслед:

— Ого, какие мы гордые! В бега подался?

— Это не побег, — Гу Ци обулся у порога и поднял голову. На его лице не отразилось ни единой эмоции. Он посмотрел прямо в глаза Гу И и отчеканил: — Отныне я не имею к вашей семье никакого отношения. У вас есть Сяо Ци. Во мне вы не нуждаетесь.

— Раньше я верил, будто мы — самые близкие люди на свете. Но теперь я вижу, что глубоко заблуждался. Для вас давно нашёлся другой близкий человек. Что ж, желаю вам семейного счастья.

— И ещё одно. Советую отменить банкет через три дня.

«В прошлой жизни мы изводили друг друга до самого конца. Вы погубили меня, я утянул за собой вас. Мы квиты. В этой жизни я хочу лишь одного — никогда больше с вами не встречаться»

Гу Ци распахнул дверь и решительно шагнул наружу.

В спину ему полетели яростные проклятия Гу И, среди которых отчётливо слышалось: «Катись-катись, только назад не приползай!», но Гу Ци даже не обернулся.

Тёплый ветер колыхал листву деревьев, полуденное июньское солнце заливало улицу ярким

светом, а в воздухе стоял нежный аромат цветов. Вокруг царили тишина, покой и безмятежность.

Мир, так непохожий на то кровавое безумие, во что он превратится после апокалипсиса.

Гу Ци замер на мгновение, заворожённый этой мирной картиной.

Он слишком давно не видел нормального, живого мира.

— Гу Ци? — раздался удивлённый женский голос.

Навстречу ему шли соседки с пакетами свежих овощей из супермаркета. Заметив дорожный чемодан, одна из них с любопытством спросила:

— Куда это ты собрался?

Гу Ци стряхнул оцепенение, несколько секунд рассеянно разглядывал женщин, а затем вежливо улыбнулся:

— Тётушки, я ненадолго уеду. Кстати, охранники на КПП предупреждали, что сейчас ходит опасный грипп. Вы бы поосторожнее, лишний раз на улицу не выходите.

Попрощавшись, он покатил чемодан дальше. Соседки тут же сбились в кучу и принялись оживлённо шептаться у него за спиной.

— Точно выгнали парнишку. И о чём только думают эти Гу? Родного сына за порогом держат, а приёмыша из детдома облизывают.

— Да ещё и с вещами! Мой Лю говорил, они со вчерашнего вечера грызутся без остановки.

— Бедный мальчик. Сначала его похитили, еле дорогу домой нашёл, а тут такое отношение...

— О ком это вы тут судачите?

Не зря говорят: помяни чёрта, он и появится. Из только что припарковавшегося автомобиля грациозно вышла госпожа Гу — в элегантном чёрном платье, на высоких каблуках и с дорогой сумкой из крокодиловой кожи. Услышав слово «похитили», она недовольно нахмурилась.

В этом элитном посёлке только их ребёнок когда-то стал жертвой похитителей. Хоть Гу Ци и был мальчиком, его жизнь всё равно оказалась наполовину покалечена. Вспомнив о его грубых деревенских привычках и несносном характере, госпожа Гу невольно поморщилась от

брезгливости.

Сплетницы осеклись и переглянулись. Наконец одна из них решилась ответить:

— Да мы про твоего Гу Ци. Ушёл куда-то с чемоданом. Похоже, из дома сбежал.

У госпожи Гу от злости бешено запульсировало в висках.

Так и знала! Гу Ци снова устроил сцену!

С тех пор как этот непутёвый сын вернулся домой, их жизнь превратилась в нескончаемую череду скандалов. Ни дня покоя!

— Ой, глупости какие, просто капризничает, — натянув фальшивую улыбку, ответила госпожа Гу.

Крепче сжав ручки сумки, она быстрым шагом направилась к дому.

Ей в спину продолжал нестись шёпот кумушек, смакующих чужие семейные дразги. Игнорируя их, женщина с трудом сдержала кипящий гнев и распахнула дверь.

Едва она переступила порог, как на неё обрушился яростный крик Гу И:

— Пошёл вон отсюда, ублюдок, это не твой... Ой, мам, ты уже вернулась?

— Что здесь происходит? — госпожа Гу в сердцах замахнулась сумочкой на второго сына. — Стоило мне уйти, как вы снова устроили балаган!

— Да всё как обычно! Гу Ци опять накинулся на Сяо Ци, — проворчал Гу И, потирая ушибленное плечо. — Заявил, что мы не имеем права устраивать для Сяо Ци праздник совершеннолетия.

Госпожа Гу перевела взгляд на приёмышу.

Мальчик стоял чуть поодаль. Заметив её взгляд, он послушно подошёл ближе, ласково взял мать за руку и тихо произнёс:

— Мамочка, пожалуйста, не сердись. Мне не нужен этот банкет. Давайте устроим праздник для брата. Если мы сделаем это, он обязательно вернётся домой.

Госпожа Гу решительно покачала головой:

— Глупости. Мы уже всё решили: праздник будет только твоим. А на его капризы не обращай внимания. Мама обо всём позаботится.

— Вернётся он, как же! — фыркнул Гу И, скрестив руки на груди. — Пока не приползёт на коленях просить прощения, даже на порог его не пущу. Тоже мне, пуп земли выискался!

Госпожа Гу ласково погладила Сяо Ци по голове, небрежно бросив второму сыну: «Не болтай чепухи», а затем добавила:

— Никуда он не денется. Пошлется пару дней и сам вернётся. Куда ему ещё идти?

Сяо Ци послушно опустил голову, незаметно сжимая кулаки.

Всё шло в точности по его плану. Но почему-то при воспоминании о том, как уверенно и спокойно Гу Ци стоял у двери с чемоданом в руке, по его спине пробежал липкий холодок.

Он бросил незаметный взгляд в окно, словно сквозь стекло пытался разглядеть растворяющийся вдали силуэт ушедшего брата.

Покинув территорию посёлка, Гу Ци направился напрямик к банку. Ему нужно было срочно обналичить все свои сбережения.

Покойные дедушка с бабушкой души в нём не чаяли. Ещё в раннем детстве они открыли на его имя счёт, где скопилась весьма приличная сумма. Сейчас эти деньги были жизненно необходимы.

До конца света оставалось ровно три дня. В прошлой жизни в первые часы катастрофы он оказался заперт на чердаке особняка Гу. Ему пришлось всю ночь беспомощно наблюдать из окна, как обезумевшие Эсперы рвут на части людей. На этот раз он подготовится как надо.

Он больше никогда не позволит загнать себя в ловушку.

В этот момент прямо перед ним у обочины затормозил представительский автомобиль. Бомбоподобный телохранитель бесцеремонно и грубо затаскивал в салон инвалидную коляску с бледным юношей. Парень изо всех сил вцепился в подлокотники, чтобы не вылететь на асфальт; на его худых запястьях отчётливо проступили напряжённые синеватые вены.

Коляску сильно качнуло, и в этот миг их взгляды случайно встретились.

Лицо незнакомца было истощённым и хищным. Слишком резкие, угловатые черты, глубоко ввалившиеся глазницы и тонкая, длинная линия губ — когда он сжимал их, то становился похож на затаившуюся змею. В разрезе его тёмных, раскосых глаз застыла холодная, зловещая жестокость, совсем не свойственная его возрасту. Он походил на свирепого демона, запертого в немогущей человеческой плоти, готового в любой момент вырваться на свободу и растерзать каждого на своём пути.

Гу Ци мгновенно узнал его. В памяти яркой вспышкой пронеслись последние секунды его прошлой жизни и человек, который бросился к нему сквозь пламя.

В следующую секунду пальцы телохранителя соскользнули. Коляска опрокинулась назад, и юноша начал стремительно падать на асфальт.

— Цзян Юй! — отчаянный крик сам собой вырвался из груди.

Не раздумывая ни мгновения, Гу Ци рванулся вперёд и подставил себя, принимая удар на грудь.

Они с грохотом повалились на землю. Перед глазами Гу Ци безумным калейдоскопом закружились картины из прошлого: чёрная чешуя, серебряные глаза, багровые отблески пожара и лицо человека, летящего к нему сквозь хаос смерти. Постепенно кошмар рассеялся, уступив место реальности — прямо над ним находилось бледное лицо Цзян Юя, смотрящего на него в упор своими раскосыми глазами.

В этих мёртвых, оледеневших глазах вдруг промелькнуло изумление. Горло Цзян Юя судорожно дёрнулось, и он хриплым, едва различимым шёпотом выдавил:

— Гу... Ци?

<http://bllate.org/book/18976/2160594>